

Скачкова В. Н. Документальность как множественная реальность : верbatim «Солнце всходит» / В. Н. Скачкова // Научный диалог. — 2020. — № 1. — С. 229—241. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-229-241.

Skachkova, V. N. (2020). Documentarity as a Multiple Reality: Verbatim “The Sun Rises”. *Nauchnyi dialog*, 1: 229-241. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-229-241. (In Russ.).

УДК 821.161.1+82-25+792.01

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-229-241

ДОКУМЕНТАЛЬНОСТЬ КАК МНОЖЕСТВЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: ВЕРБАТИМ «СОЛНЦЕ ВСХОДИТ»

© Скачкова Виктория Николаевна (2020), orcid.org/0000-0001-8408-2573, SPIN 4079-2631, ассистент кафедры славянской филологии и культуры, Институт филологии и журналистики, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского» (Нижегород, Россия), boss-vikoss@mail.ru.

Статья посвящена анализу мифопоэтической структуры документальной драмы «Солнце всходит», относящейся к жанру вербатима и поставленной на сцене Московского художественного театра (автор М. Дурненков, режиссер В. Рыжаков) к 150-летию М. Горького. Актуальность исследования обусловлена необходимостью дальнейшего исследования социальной и эстетической функции вербатима — пьесы, созданной на основе монтажа письменных документальных источников. Существенным отличием объекта исследования от других форм «новой драмы» является то, что в тексте вербатима использованы источники, относящиеся к концу XIX — началу XX веков. Современная рецепция личности и творчества М. Горького в нем не представлена, отсутствуют интервью с участниками спектакля и зрителями, что, в целом, усложняет его восприятие, но в то же время повышает его эмотивную составляющую. Новизна исследования заключается в том, что впервые указывается на сюжетно-композиционное единство текста пьесы, созданного путем монтажа различных документальных источников. Раскрывается концептуальное содержание вербатима «Солнце всходит»: становление мифа о М. Горьком человеке и художнике, который рождался в общественном сознании на пересечении противоречивых суждений самого писателя о себе и своем творчестве с оценками его творческой личности современниками и потомками. Объектом изучения стала расшифровка записи текста спектакля, в котором использованы различные виды документальных источников: переписка М. Горького с корреспондентами, литературно-критические отзывы о его произведениях, отражающие состояние литературной критики определенного исторического периода, воспоминания современников, в которых реальные факты из жизни писателя включаются мемуаристом в исторический контекст, а также фрагменты драматических произведений М. Горького и его публицистики.

Ключевые слова: верbatim; новая драма; документальность; эмотивность; Горький; документальные источники; художественная реальность; текст.

1. Вербатим как техника монтажа документальных источников

В год 150-летнего юбилея М. Горького в Московском художественном театре им. А. П. Чехова режиссером Виктором Рыжаковым был поставлен спектакль, созданный в жанре вербатима — документальной драмы, отвечающей на вызовы времени. В переводе с латинского *verbatim* — означает «дословно», а в английском варианте — «буквальный», «дословный».

В настоящее время в исследованиях документальных жанров гуманитаристикой и искусствоведением можно выделить следующие направления. Так, в работах З. Абдуллаевой, посвященных документальному кино, поставлена проблема соотношения игрового и неигрового в визуальных искусствах, рассмотрен вопрос об особенностях рецепции «новой документальности» как о «реальности, ставшей искусством или искусстве, претендующем быть реальностью» [Абдуллаева, 2011, с. 9]. Формы синтеза документального и художественного в произведениях классического и современного искусства стали предметом дискуссий на ежегодных международных конференциях, проводимых коллективом ученых Казанского федерального университета, где уделяется внимание и такому аспекту, как определение статуса документа в произведениях различных жанров [Крылов, 2012, с. 23].

Вторым важнейшим направлением в исследовании проблемы является терминологический аспект, поскольку в различных публикациях, посвященных изучению видов документального искусства (документальное кино, документальный театр), как синонимы употребляются варианты *документальное*, *новая драма*, *постдок*, *вербатим* [Забалуев и др., 2005, с. 113].

Особого внимания заслуживает представленная в работах О. В. Журчевой типология вербатимов по критерию «социальная функция»; она составлена на основе исследования характера влияния документальных жанров на сознание общества. Исходя из данного основания, предлагается классификация, согласно которой в настоящее время наиболее востребованными являются четыре типа вербатима: общественно-политический, социально-терапевтический, биографический вербатим и городской [Журчева, 2016, с. 85].

В 2000-х годах в изданиях литературоведческого, лингвистического, психологического направлений прошли дискуссии о том, что собой представляет феномен вербатима, является ли он техникой повествования [Соловьева, 2010, с. 100] или это все-таки явление искусства, к оценке которого можно подходить с эстетических позиций, а не с позиций социологических и политических [Болотян, 2009, с. 46]. В работах, посвященных изучению

названного явления, указывается, что это тексты, структура которых представляет собой определенным образом сгруппированные высказывания, как правило, представляющие собой цитирование (прямое или косвенное) различного рода речевых актов. В основном этот термин используется при характеристике современных драматических произведений, в основе конфликта которых — конфликт вербальных интерпретаций ситуации, события, поступка, то есть конфликт словесных оценок события, но не само событие. Вербатим — это особая «техника создания текста путем монтажа дословно записанной речи» [Болотян, 2011, с. 81].

В дискуссиях, содержание которых изложено на страницах «Нового литературного обозрения» (2005), зафиксирован еще один подход к исследованию вербатима, согласно которому объектом исследования оказывается не текст пьесы, а мастерство режиссуры [Мамаладзе, 2005].

Подводя итог краткому обзору исследований, подчеркнем, что объектом нашего исследования является драматургия текста и его сюжетно-композиционные особенности, то есть мы рассматриваем вербатим как эстетический феномен.

Данная статья посвящена анализу мифопоэтической структуры документальной драмы «Солнце всходит», относящейся к жанру вербатима и поставленной на сцене Московского художественного театра (автор М. Дурненков, режиссер В. Рыжаков) к 150-летию юбилею М. Горького. В спектакле, созданном на основе техники вербатима, актеры играют реплики, выражая свое отношение к ним мимикой и жестом, поскольку задача режиссера, составившего текст, заключается в том, чтобы побудить зрителя выступить в роли соавтора, которому предлагается в конце спектакля выстроить свою версию жизни и судьбы Максима Горького. Каждый из использованных в вербатиме документов (как правило, это фрагмент высказывания) о Горьком — человеке и художнике — предполагает активность зрительского восприятия фактов, содержащихся в них, рассчитан на заполнение лакун предшествующего знания о биографии и творчестве художника. Зрителю предлагается самому обнаружить смысловой центр такого высказывания, сформулировать ответ на вопрос, заданный режиссером. Зрителю не сообщают, из какого источника, из какого контекста изъят тот или иной фрагмент высказывания, но на экране, висящем над сценой, с определенной периодичностью появляются образы времени, условно обозначающие его движение (Ялта, Кровавое воскресенье, Капри, Несвоевременные мысли, Иль Сорито и др.).

В нашей работе объектом исследования стал текст, полученный в результате расшифровки аудиовизуального образа и перевода его в словес-

ный. Он представляет собой линейно организованную последовательность сообщений, связанных между собой по ассоциативному принципу, где нарушение хронологии сообщений о реальных фактах является важным композиционным решением. Документальные свидетельства, будучи включенными в текст, организуют сюжет, развивающийся не по законам причинно-следственной связи между ситуациями общения актеров, читающих текст, а по логике рождающейся здесь и сейчас *художественной реальности*. Следует отметить, что вербатим представляет собой такой текст, который, по сути своей, не сообщает ничего, кроме того, что содержит фрагмент цитируемого высказывания, сделанного ранее. При этом «единица документальности для вербатима — не факт, а слово. Драматург монтирует речь других людей, не редактируя их речевой индивидуальности» [Родионов, 2012].

Наша задача — показать, как драматург выстраивает композицию пьесы в виде многоголосого полилога, цель которого — продемонстрировать ошибочность одноплановых и крайних суждений о Горьком и представить на суд зрителя свое видение сложной и противоречивой фигуры писателя путем монтажа фрагментов речи о нем, зафиксированной в многообразии документальных свидетельств. Весь речевой материал, составляющий текст пьесы, может быть условно разделен на четыре категории: письма, литературно-критические высказывания, воспоминания современников и художественные произведения М. Горького.

2. Письмо как документальный источник вербатима

Первый тип документальных источников — письма — наиболее объективно отражает состояние адресатов и адресантов, волею автора вербатима ставших героями пьесы. Однако, несмотря на соотнесенность писем с определенными жизненными периодами героев и точностью метрических данных (имена адресатов, даты создания письма и т. д.), именно этот тип документа наиболее часто подвергается изменениям. Так, одна из главных тем спектакля — взаимоотношения между Горьким и Московским художественным театром — начинается с диалога писателя и Владимира Немировича-Данченко. Однако актер читает строки из письма Горького к Станиславскому. «О пьесе — не спрашивайте! Пока её не допишу до точки, её всё равно что нет. Мне очень хочется написать хорошо, хочется написать с радостью. Вам всем — Вашему театру — мало дано радости. Мне хочется солнышка пустить на сцену, весёлого солнышка, русского эдакого, — не очень яркого, но любящего всё, всё обнимающего» [Горький, 1997, с. 87].

По воле автора пьесы происходит замена одного адресата на другого, а также отсекается последняя часть горьковского высказывания: «... не очень яркого, но любящего всё, всё обнимающего». То, что слова Горького цитируются с купюрой, на первый взгляд кажется несущественным эмоциональным «довеском», однако это не так, поскольку в этой фразе отчетливо звучит осознанная писателем потребность писать для театра, создать пьесу, которая станет важным событием в жизни Московского художественного театра.

Встраивание текста письма в контекст диалога Горького и Немировича можно рассматривать как подтверждение распространенного культурного мифа о гармонии отношений отцов-основателей Художественного театра и Горького. Однако, если проследить историю взаимоотношений Горького со Станиславским и Горького с Немировичем, обратившись к такому документальному источнику, как их переписка, то окажется, что стилистика писем Горького Немировичу и Немировича Горькому развивалась в направлении от сотрудничества к враждебному непониманию, а затем к примирению. Каким же смысловым потенциалом обладает факт подмены адресата? По-видимому, цель такой подмены в том, что имя Немировича связано в сознании автора вербатима с представлением о новом типе людей, пришедших в мир искусства — людей, обладающих предприимчивостью, деловитостью, стремившихся создать хорошие материальные условия для актеров. Собственно, об этом и идет речь в письме к Станиславскому: «Вам всем — Вашему театру — мало дано радости». А то, что Немирович был инициатором постановок и других пьес Горького на сцене Художественного театра и сыграл важную роль в становлении авторитета Горького-драматурга, подтверждается и другими документальными источниками [Немирович-Данченко, 1979, с. 35—47]

Образ Немировича — один из центральных в пьесе. Его суждения, в отличие от большинства персонажей, героев одной реплики, появляются в повествовании на протяжении всей пьесы. В его высказываниях о Горьком и его творчестве отражается движение времени. Эта линия существенно отличается и по форме, и по содержанию от диалога Чехова и Горького, состоящего из фрагментов их переписки. Диалог Горького и Немировича, представляющий собой монтаж реплик, извлеченных из писем, дополнен цитатами из высказываний других деятелей культуры. В частности, ключевая характеристика Немировича, звучащая из уст актера, исполняющего «партию» Горького, взята из его письма К. Пятницкому: «Что же касается Немировича — он — прямой, искренний человек, не очень талантлив, но весьма умный и со вкусом» [Горький, 1997, с. 178].

Фрагменты писем в вербатиме — это основа для выстраивания сценических диалогов. Именно в письмах можно проследить особенности и динамику развития отношений главных героев пьесы. Помимо линии Горький — Немирович, на основе писем выстраиваются сюжетные линии Горький — Чехов, Горький — Станиславский, Горький — сын Максим, Горький — Ленин, Горький — Хинкулов, Горький — Сталин. Первая часть вербатима практически целиком построена на письмах, следовательно, главная форма сценического действия — диалоги. С помощью исповедальных интонаций автор указывает на глубоко личный характер профессионального общения Горького, а документальность балансирует на грани мира реального и мира художественного.

3. Функции дневниковых, мемуарных и литературно-критических источников документального повествования

Во второй части пьесы происходит смена источника документальной информации, что существенно меняет атмосферу спектакля, его настроение. Главным документом, на котором выстраивается вторая часть вербатима, становятся воспоминания и дневниковые записи. Д. Лихачев, Ю. Анненков, Б. Зайцев, Н. Буренин, В. Качалов, Р. Роллан, С. Маршак, И. Шкапа, Б. Соколов, К. Рудницкий, В. Ходасевич, И. Виноградская, М. Пришвин — вот имена авторов, чьи воспоминания были использованы автором вербатима. Включая в текст вербатима фрагменты этих источников, автор существенно расширяет исторический контекст высказывания. Мемуары, опубликованные в разное время, увидевшие свет в разных странах, содержат ценную для читателя, но все же субъективную оценку эпохи, а также личности и творческого наследия Горького. И тем не менее автор пьесы стремится придать субъективной оценке объективный характер, несмотря на то, что субъективное мнение характеризует прежде всего автора реплики, а только потом — объект высказывания. Из мемуарных свидетельств автор отдает предпочтение, как правило, эмоционально окрашенным высказываниям о Горьком. Автора вербатима в первую очередь интересуют яркие, местами даже провокационные характеристики Горького, порожденные впечатлением от его личности и поступков. Причем причины такой оценки должны быть восстановлены из общего контекста исторической эпохи. Такого типа свидетельства, например, взяты из дневниковой записи М. Пришвина, датированной 27 января 1932 года. Запись не только шокирует содержанием, но, при рассмотрении ее без сценических купюр, свидетельствует о прозорливости автора дневника, предсказывающего закономерность трагической судьбы Горького постановкой фигуры писателя

в один ряд с судьбой такого деятеля пролетарской культуры, как Демьян Бедный. Полная версия записи выглядит так: «Так совершилось падение Демьяна. Вот слава-то Богу! редко ведь сукины дети достигают такого высокого положения. Говорят, из Кремля чуть-чуть не выперли. В конце концов, становится забавно глядеть, как все непременно падают. Интересно, как кончится Горький, успеет умереть до падения или тоже рухнет. Вот острие: на Красную площадь героем или... и все от того, сумеет ли человек умереть вовремя. Сила его в добрых делах...» [Пришвин, 2009, с. 54]. Автор вербатима перенес в пьесу вторую часть цитаты, со слов «Интересно, как кончится Горький», акцентируя внимание зрителей на тезисе о своевременности ухода Горького, умершего накануне Большого Террора.

Художественная реальность вербатима — при всей своей документальности — достаточно вольно обходится и с таким типом источников, как мемуары. Так, описание премьеры «На дне», взятое из главы «Знакомство с Горьким» книги М. Ф. Андреевой «Переписка, воспоминания, статьи, документы» [Андреева, 1961, с 45—46], в вербатиме подано путем соединения двух реплик — Андреевой и Книппер-Чеховой. Если первую часть фразы воспоминаний воспроизводит артистка, читающая слова Андреевой, то вторую часть реплики произносит другая мхатовская прима — Ольга Книппер-Чехова. В тексте вербатима это разделение реплик представлено следующим образом:

Андреева: Публика не давала сдвигать занавес, неистовствовала, вызывая автора. Константин Сергеевич в своих картинных лохмотьях Сатина побегал к Горькому за кулисы, схватил сзади за плечи, выпихнул на сцену и тут же вместе со всеми участвующими изо всех сил стал аплодировать ему.

Книппер: Горький курил в это время, как всегда в волнении, сильно затягивался, так с папиросой в руке и вышел, а ему уже кричат из-за кулис: бросьте папиросу то, спрячьте, спрячьте!» [Андреева, 1961, с. 47].

В этом случае перед нами не диалог, в котором озвучены разные точки зрения, а мотивированное замыслом автора стремление указать на биографическую близость актрис-героинь высказывания, так как в данное историческое время обе играют важную роль в судьбе и творчестве Чехова и Горького. Поэтому разбивка реплики, по логике автора текста, может быть интерпретирована как объединение говорящих персонажей, мотивированное их профессиональной заинтересованностью будущей судьбой театра, во многом зависящей от пьес Чехова и Горького.

Литературно-критические высказывания о творчестве Горького, принадлежащие Д. Мережковскому, Н. Стечкину, В. Набокову, К. Чуковскому, Н. Михайловскому и другим критикам, — третий вид документов, исполь-

зованных в создании вербатима. Выдержки из критических статей о Горьком размещены в произвольном порядке, без учета хронологической последовательности. Так, начинается повествовательную часть вербатима высказывание Стечкина: «Гнойный пузырь на развращенности современной мысли, отравитель чистых порывов молодежи, кошунственный ругатель того, чем жило <...> общество, проповедник бунта, босяцкий провозвестник революции, Максим Горький интересен и важен как вредный противобщественный элемент» [Стечкин]. Эта цитата относится к 1904 году — к периоду, когда «Мещане» и «На дне» уже написаны. Сразу следом за словом Стечкина звучит цитата из «Цикла лекций по русской литературе» Набокова — издания, в основу которого легли лекции писателя 1940—1950-х годов XX века [Набоков, 1998, с. 378].

Такая временная дистанция, при том, что каждая оценка имеет отрицательную коннотацию, акцентирует непреходящую актуальность вопроса о Горьком-художнике, дискуссии о своеобразии которого продолжаются и по сей день.

4. Авторский текст в структуре вербатима и его документальная функция

В состав пьесы включены фрагменты художественной прозы и драматических произведений Горького, в частности: фрагменты пьесы «Мещане» (читаются отрывки пьесы из II и IV действий, хронологически соответствующие историческому этапу в жизни Горького, преобразенные в художественную реальность пьесы «Солнце всходит»), «На дне» (III действие; цитаты из пьесы обрамлены воспоминаниями и оценками современников), рассказ «Отшельник» (время создания — 1923 год, этот исторический период соответствует хронологии вербатима, где развернутая цитата из этого произведения предшествует эпизоду «Смерть»).

В большинстве своем это отрывки, меняющие расстановку сил в произведениях Горького, мотивирующие смену сюжетных ситуаций. Включенный в вербатим диалог между Нилом и Полей служит отправной точкой драматической коллизии: известие о намерении Нила жениться на Поле приводит к ссоре Нила и Бессеменова, влюбленная в Нила Татьяна совершает попытку самоубийства, появление Перчихина накаляет атмосферу раздора, что ускоряет уход Нила и Поли из дома. Включение в текст вербатима значительного по объему фрагмента «Мещан», кажется, не имеет прямого отношения к документальности, однако внутренняя логика такого композиционного хода, по-видимому, может быть объяснена тем, что эта пьеса — первый опыт Горького в драматическом жанре. Метафориче-

ски этот фрагмент, меняющий, как было сказано, расстановку сил в пьесе, знаменует новую фазу творческой деятельности писателя. Реальный факт биографии Горького преобразуется в ткань художественной реальности вербатима «Солнце всходит».

Иную функцию в вербатиме обретает самая резонансная пьеса Горького — «На дне». Она представлена в спектакле всего одной небольшой сценой, взятой из конца третьего действия:

Пепел. Наталья! Неужто ты... вправду? Неужто веришь, что я... с ней...

Сатин. Ей-богу, Наташа, ты... сообрази!

Василиса (в проулке). Убили мужа моего... ваше благородие... Васька Пепел, вор... он убил... господин пристав! Я — видела... все видели...

Наташа (мечется почти в беспамьятстве). Люди добрые... сестра моя и Васька убили! Полиция — слушай... вот эта, сестра моя, научила... уговорила... своего любовника... вот он, проклятый! — они убили! Берите их... судите... Возьмите и меня... в тюрьму меня! Христа ради... в тюрьму меня!.. [Горький, 1970, с. 169]

Этот отрывок несет не столько композиционную, сколько эмотивную функцию. Центральный персонаж сцены — Наталья, которую играла в премьерном спектакле Мария Андреева. Включая данный фрагмент в вербатим, автор подчеркивает и в этом случае автобиографический нюанс эмоционального накала, который, по воспоминаниям современников, и был вызван особыми отношениями Андреевой и Горького.

Подводя итог нашим наблюдениям над общими принципами структуры вербатима «Солнце всходит», нельзя не отметить, что пьеса Горького «Дети Солнца» (1905), название которой резонирует с именем вербатима «Солнце всходит», представлена в оценках ее современниками писателя. Фрагмент текста, содержащий отзывы о ней, свидетельствует о том, что автору вербатима она интересна не как текст, а как событие театрального мира. Согласно этому композиционному ходу пьесы, зрителю внушается мысль о катарсисе, мысль о том, что слово, звучащее со сцены, не только выполняет функцию сообщения о событии, но само по себе является стимулом к словесному оформлению впечатления. Цитата из «Детей Солнца» все же появляется в тексте вербатима, но в неожиданном хронологическом и сюжетном контексте: стихи Вагина из финала пьесы становятся своеобразной эпитафией Чехову, которую произносит Ольга Книппер:

Милый мой идет среди пустыни

В знойном море красного песка...

Знаю я, в дали туманно-синей

Ждет его пустыня и тоска...

*Мой милый строен и высок,
А я — красива и легка,
И оба мы, как два цветка,
На красный брошены песок...
И вдвоем, объаты жгучим зноем,
Мы пойдем далеко по песку,
И в пустыне мертвой мы зароем
Он — свои мечты... а я — тоску...*
[Горький, 1970, с. 389—390]

Подобная игра с контекстами, намеренное их сопряжение, служит повышению эмотивности пьесы, не давая, впрочем, веских оснований говорить о схожести сюжетных линий героини вербатима Книппер и героини «Детей Солнца» Лизы.

5. Заключение

Таким образом, использованные в вербатиме различные типы документальных источников исполняют следующие функции:

— фрагменты писем становятся основой сценических диалогов и демонстрируют динамику отношений героев действия;

— цитаты из опубликованных воспоминаний служат иллюстративным материалом для построения сюжетной линии вербатима. Автор пьесы с помощью этого источника выстраивает коллизию сюжета и иллюстрирует знаковые события, отраженные в вербатиме. В текст вербатима попадают прежде всего эмоционально окрашенные, провокационные оценки героев и событий, создающие необходимую драматическому произведению эмотивность;

— литературно-критические высказывания широкого хронологического спектра служат главным источником информации об отношении мира к главному герою вербатима. Автор сознательно использует цитаты, содержащие отрицательную коннотацию, подчеркивая открытость вопроса о Горьком-художнике и его равную актуальность как для современников Горького, так и для последующих поколений. Горький — единственный герой вербатима, которому даются характеристики, и происходит это посредством включений фрагментов критических статей культурологов и литературоведов различных исторических периодов;

— фрагменты художественных произведений М. Горького использованы в вербатиме как приметы того или иного периода в жизни главного героя, причем автора пьесы интересует автобиографический оттенок

отрывков. Во включениях художественного текста мы можем отследить ведущие мотивы творчества Горького и присущую им эмоциональность. В контексте вербатима реплики из пьес и повести Горького по умолчанию приобретают автобиографичность, хотя вне контекста вербатима автобиографическими не являются.

Вербатим М. Дурненкова «Солнце всходит» — это пример использования документальных средств для создания художественного эффекта множественности реальности и свидетельство того, что миф о Максиме Горьком не только не утратил своей актуальности, но и с развитием формата новой драмы приобретает дополнительные ресурсы для существования в мире русской литературы и культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абдуллаева З.* Постдок : игровое / неигровое / З. Абдуллаева. — Москва : Новое литературное обозрение. — 2011. — 480 с.
2. *Андреева М. Ф.* Переписка. Воспоминания. Статьи. Документы. Воспоминания о М. Ф. Андреевой / М. Ф. Андреева. — Москва : Искусство, 1961. — 720 с.
3. *Болотян И.* Вербатим / И. Болотян // Новый филологический вестник. — 2011. — № 2 (17). — С. 81—89.
4. *Болотян И.* Документальный театр вербатим : литературоведческий аспект / И. Болотян // Вопросы языка и литературы в современных исследованиях : материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. X Юбилейные Кирилло-Мефодиевские чтения», 12—14 мая 2009 г. — Москва : РЕМДЕР, 2009. — С. 43—48.
5. *Горький М.* Полное собрание сочинений: письма : в 24 томах / М. Горький. — Москва : Наука, 1997—... — Т. 1: Письма. 1888—1899. — 1997. — 702 с. ; Т. 2: Письма. 1900—1901. — 1997. — 480 с.
6. *Горький М.* Полное собрание сочинений: художественные произведения : в 25 томах / М. Горький. — Москва : Наука, 1968—1976. — Т. 7: Пьесы, драматические наброски, 1897—1906. — 1970. — 687 с.
7. *Журчева О. В.* Вербатим как механизм создания «новой документальности» в новейшей русской драме / О. В. Журчева // Филология и культура. — 2016. — № 3 (45). — С. 84—89.
8. *Забалуев В.* Verbatim / В. Забалуев, А. Зензинов // Октябрь. — 2005. — № 10. — С. 112—128.
9. *Крылов В. Н.* «Усталость» от вымысла, или о синтезе художественного и документального в литературе Серебряного века / В. Н. Крылов // Филология и культура. — 2012. — № 4 (30). — С. 23.
10. *Мамаладзе М.* Театр катастрофического сознания: о пьесах; философских сказках Вячеслава Дурненкова на фоне театральных мифов вокруг «новой драмы» [Электронный ресурс] / М. Мамаладзе. — Режим доступа : <https://magazines.gorky.media/nlo/2005/3/teatr-katastroficheskogo-soznaniya-o-pesah-filosofskih-skazkah-vyacheslava-durnenkova-na-fone-teatralnyh-mifov-vokrug-novoj-dramy.html>.

11. Набоков В. В. Лекции по русской литературе / В. В. Набоков. — Москва : Независимая газета, 1998. — 440 с.
12. Немирович-Данченко В. И. Избранные письма : в 2 томах / В. И. Немирович-Данченко. — Москва : Искусство, 1979. — Т. 1: 1879—1909. — 608 с.
13. Пришвин М. М. Дневники. 1932—1935 / М. М. Пришвин. — Санкт Петербург : Росток, 2009. — 1008 с.
14. Родионов А. Что такое verbatim [Электронный ресурс] / А. Родионов. — 01.02.2012. — Режим доступа : <http://www.teatrdoc.ru/stat.php?page=verbatim>.
15. Соловьева А. А. Язык драматического произведения. Техника Verbatim («Вербатим») / А. А. Соловьева // Вестник Вятского государственного университета. — 2010. — № 3. — С. 100—102.

DOCUMENTARY AS A MULTIPLE REALITY: VERBATIM “THE SUN RISES”

© **Victoria N. Skachkova (2020)**, orcid.org/0000-0001-8408-2573, SPIN 4079-2631, assistant, Department of Slavic Philology and Culture, Institute of Philology and Journalism, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia), bossvikoss@mail.ru.

The article is devoted to the analysis of the mythopoetic structure of the documentary drama “The Sun Rises” related to the genre of verbatim and staged at the Moscow Art Theater (author M. Durnenkov, director V. Ryzhakov) for the 150th anniversary of M. Gorky. The relevance of the study is due to the need for further research on the social and aesthetic function of the verbatim - a play created on the basis of editing written documentary sources. A significant difference between the object of study and other forms of the “new drama” is that the verbatim text uses sources from the end of the nineteenth to the beginning of the twentieth centuries. The modern reception of M. Gorky's personality and work is not represented in it, there are no interviews with the participants of the performance and the audience, which, in general, complicates its perception, but at the same time increases its emotional component. The novelty of the study lies in the fact that for the first time it is indicated on the plot-compositional unity of the text of the play created by editing various documentary sources. The conceptual content of the verbatim “The Sun Rises” is revealed: the formation of the myth of M. Gorky and the artist, who was born in the public mind at the intersection of the writer's conflicting opinions about himself and his work with assessments of his creative personality by contemporaries and descendants. The object of study was the transcript of the text of the play, which used various types of documentary sources: the correspondence of M. Gorky with correspondents, literary and critical reviews of his works, reflecting the state of literary criticism of a certain historical period, memoirs of contemporaries in which real facts from the life of the writer are included by memoirist in the historical context, as well as fragments of the dramatic works of M. Gorky and his journalism.

Key words: verbatim; new drama; documentary; emotiveness; Gorky; documentary sources; artistic reality; text.

REFERENCES

Abdullaeva, Z. (2011). *Postdok: igrovoye / neigrovoye*. Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye. (In Russ.).

- Andreyeva, M. F. (1961). *Perepiska. Vospominaniya. Statyi. Dokumenty. Vospominaniya o M. F. Andreyevoy*. Moskva: Iskustvo. (In Russ.).
- Bolotyan, I. (2009). Dokumentalnyi teatr verbatim: literaturovedcheskiy aspekt. In: *Voprosy yazyka i literatury v sovremennykh issledovaniyakh: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Slavyanskaya kultura: istoki, traditsii, vaimodeystviye. X Yubileynyye Kirillo-Mefodievskiy cheniya», 12—14 maya 2009 g.* Moskva: REMDER. 43—48. (In Russ.).
- Bolotyan, I. (2011). Verbatim. *Novyy filologicheskiy vestnik*, 2 (17): 81—89. (In Russ.).
- Gorkiy, M. (1970). *Polnoye sobraniye sochineniy: khudozhestvennyye proizvedeniya. 7: Pyesy, dramaticheskiye nabroski, 1897—1906*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Gorkiy, M. (1997). *Polnoye sobraniye sochineniy: pisma, 1/2*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Krylov, V. N. (2012). «Ustalost'» ot vymysla, ili o sinteze khudozhestvennogo i dokumentalnogo v literature Serebryanogo veka. *Filologiya i kultura*, 4 (30): 23. (In Russ.).
- Mamaladze, M. *Teatr katastroficheskogo soznaniya: o pyesakh; filosofskikh skazkakh Vyacheslava Durnenkova na fone teatralnykh mifov vokrug «novoy dramy»*. Available at: <https://magazines.gorky.media/nlo/2005/3/teatr-katastroficheskogo-soznaniya-o-pesah-filosofskikh-skazkah-vyacheslava-durnenkova-na-fone-teatralnykh-mifov-vokrug-novoy-dramy.html>. (In Russ.).
- Nabokov, V. V. (1998). *Leksii po russkoy literature*. Moskva: Nezavisimaya gazeta. (In Russ.).
- Nemirovich-Danchenko, V. I. (1979). *Izbrannyye pisma, 1: 1879—1909*. Moskva: Iskustvo. (In Russ.).
- Prishvin, M. M. (2009). *Dnevnik. 1932—1935*. Sankt Peterburg: Rostok. (In Russ.).
- Rodionov, A. (2012). *Chto takoye verbatim*. Available at: <http://www.teatrdoc.ru/stat.php?page=verbatim>. (In Russ.).
- Solovyeva, A. A. (2010). Yazyk dramaticheskogo proizvedeniya. *Tekhnika Verbatim («Verbatim»)*. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 3: 100—102. (In Russ.).
- Zabaluev, V., Zenzinov, A. (2005). Verbatim. *Oktyabr'*, 10: 112—128. (In Russ.).
- Zhurcheva, O. V. (2016). Verbatim kak mekhanizm sozdaniya «novoy dokumentalnosti» v noveyshey russkoy drame. *Filologiya i kultura*, 3 (45): 84—89. (In Russ.).